

Михаил Сеславинский. «Мой друг Осип Мандельштам»

В год 125-летия поэта в издательстве «Бослен» вышла книга руководителя Роспечати, члена СЖМ Михаила Вадимовича Сеславинского «Мой друг Осип Мандельштам. Избранная иллюстрированная библиография и автографы».

В своем лирическом эссе известный московский библиофил, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, член Союза журналистов Москвы **Михаил Сеславинский** рассказывает о своем знакомстве с поэзией и книгами Осипа Мандельштама (1891-1938) в г. Горьком (Нижнем Новгороде) в 1980-е годы. Одновременно повествует о жизни провинциальной интеллигенции и процессе собирания коллекции книг и автографов поэта. Впервые представлена обширная, богато иллюстрированная подборка не только книг поэта, но и альманахов, газет и журналов с его прижизненными публикациями из собрания автора. Каждое издание сопровождается краткой аннотацией, приводятся сведения о степени редкости ряда книг и периодических изданий на антикварно-букинистическом рынке. Публикуются редкие автографы О.Э. Мандельштама и тех, кто входил в ближайшее его окружение: А.А. Ахматовой, Ю.К. Балтрушайтиса, Василиска Гнедова, С.М.

Городецкого, Н.Я. Мандельштам, И.Г. Эренбурга. В конце издания приведен большой список литературы, использованной автором при написании книги.

Издание, подготовленное к 125-летнему юбилею поэта, содержит также ряд материалов, связанных с празднованием этой знаменательной даты в России. Книга предназначена для широкого круга любителей поэзии, литературоведов, библиофилов, научных работников. Книга издана в 2016 г. (М.: Бослен).

Предлагаем читателям предисловие к книге, написанное автором.

Ласковая книга

*О, «Камень», «Tristia», «Шары» и «Два трамвая»,
«Вторая книга», «Марка», «Кухня» бытия.*

*Я воздух мандельштамовский вдыхаю,
Внимая Шуму от его ручья.*

В самый сложный для себя период жизни в 1937 году О.Э. Мандельштам, хватаясь за соломинку, написал почтительную «Оду» вождю народов. Нет смысла дополнительно обсуждать этот поступок, он вполне понятен, равно как и аналогичные стихи А.А. Ахматовой. Для нас важно одно из заключительных четверостиший, которое редко привлекает внимание:

*Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, что солнце светит.*

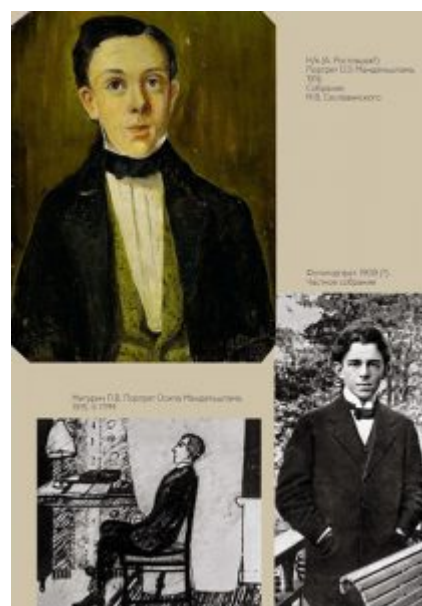
Пусть представляемое на суд читателей издание «Мой друг Осип Мандельштам» как раз и будет отнесено к разряду «ласковых книг», посвященных великому поэту.

С Осипом Эмильевичем Мандельштамом я познакомился в г. Горьком осенью 1982 года.

Обучаясь на втором курсе историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, я только-только начинал погружаться в волшебный мир поэзии Серебряного века. Происходило это в основном в стенах Государственной областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, благо находилась она в пяти минутах ходьбы от здания факультета, располагавшегося на площади Минина в старинном здании бывшей гостиницы «Россия». В соседнем корпусе в гостинице Деулина в 1833 году по дороге в Болдинское имение останавливался А.С. Пушкин; наискосок, по пути в книгохранилище, – здание гимназии, где преподавал Илья Николаевич Ульянов. Впрочем, в главном здании библиотеки на улице Веры Фигнер (ныне Варварская) особого изобилия ожидать не приходилось. Читательский интерес и конкуренция любителей поэзии в основном концентрировались вокруг заветных синих томов Большой серии «Библиотеки поэта». Но получить их на руки в читальном зале было, ох, как непросто.

От тех студенческих лет у меня в домашнем архиве сохранилась толстая тетрадь для записей в красном ледериновом переплете, в которой кроме тщательно переписанных стихотворений Николая Гумилева, Марины Цветаевой, Константина Бальмонта, Андрея Белого, Бориса Пастернака, Ильи Эренбурга, Ивана Бунина и других можно обнаружить самодельный книжный каталог. В нем содержатся библиотечные шифры интересовавших меня книг, которые затем вносились в листок требования.

«Стихотворения» О.Э. Мандельштама 1973 года издания из

знаменитой Большой серии «Библиотеки поэта» имели шифр «Ц 11928.1»[1], указывающий на принадлежность экземпляра к фонду ценных книг. Кажется, мне так и не довелось подержать его. Ответ дежурного библиотекаря был прост: «Книга на руках». Помню, что не помогали даже простые уловки: прийти рано утром или поздно вечером. Купить же ее не было никакой возможности: на книжном черном рынке в Горьком на пустыре около телевизионной вышки она стоила 50–60 рублей.

По словам же исследователя творчества поэта Сергея Васильевича Василенко, такой же томик в Москве на «толкучке» около памятника первопечатнику Ивану Федорову и магазина «Книжная находка» стоил 75 рублей. Еще более интересную историю рассказал на первом заседании Оргкомитета по подготовке праздничных мероприятий в честь 125-летия поэта Олег Григорьевич Ласунский – известный воронежский краевед, библиофил и литературовед. В 1973 году в Воронеж поступил десяток экземпляров синего томика. По этому случаю было созвано специальное совещание у секретаря обкома КПСС В.П. Усачева, на котором обсуждался список благонадежных воронежцев, которым можно было продать сборник стихотворений, изданный тиражом 15 000 экземпляров, по государственной цене 1 рубль 45 копеек. В число счастливчиков попал и мой старший товарищ.

Я рос в типичной советской семье провинциальной интеллигенции. В трехкомнатной квартире – шесть книжных шкафов; в подарок на день рождения – книги от папы с обязательной дарственной надписью на форзаце. Но сборника Мандельштама у нас в доме не было.

Что же делать?

Спасение было найдено в филиале областной библиотеки, располагавшемся на Краснофлотской улице (ныне – Ильинская). От площади Минина туда надо было ехать несколько остановок на трамвае № 2, но зато читательских очередей не наблюдалось. В здании бывшей Вознесенской церкви находился отдел

периодических изданий с небольшим читальным залом. По металлической дореволюционной лестнице приходилось подниматься на второй уровень, но атмосфера была вполне камерной, уютной и, можно сказать, даже боголепной. Приятным сопутствующим фактором было то, что на этой улице жила моя однокурсница Марина Потапова, с которой сложились теплые отношения, и порой из библиотеки мы отправлялись на чаепитие прямо к ней домой.

В читальном зале я погружался в комплекты «Золотого Руна», «Весов», «Мира искусства» и, конечно же, «Аполлона», который впервые и познакомил меня со стихами Осипа Эмилевича. Его поэтический дебют в девятом номере за 1910 год произвел на мою романтическую молодую душу такое впечатление, что, кажется, некоторые строки я сразу заучил наизусть, не переписывая, а это любимое стихотворение сохранилось в памяти на всю жизнь:

*Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.*

*Вся комната напоена
Истомой – сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.*

Немного красного вина,
Немного солнечного мая –
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

Импрессионистический эскиз хрупкого мира, наполненного

изяществом форм и загадочностью образов, поражал воображение и резко контрастировал с сероватыми советскими буднями, заполненными лекциями по истории КПСС и историческому материализму в Горьковском университете. Блоковская незнакомка для меня жила именно в этом стихотворении, и порой казалось, что я ощущаю аромат ее духов. Конечно, это были не духи «Красная Москва», «Белая сирень» или «Северное сияние», а нечто гораздо более волнующее. В конце 1970-х папа привез из командировки в Москву в подарок маме нечто удивительное – флакончик духов «Climat» фирмы Lancome, купленный в столице за 25 рублей. Флакон открывался не чаще двух раз в год и (невероятно!) сохранился у мамы по сей день с засохшими капельками на дне. Возможно, что какие-то ассоциации между духами «Climat» и этим стихотворением Мандельштама имеют право на существование.

Тут я поневоле вступил в небольшую мужскую дискуссию с известным ученым, автором биографии поэта в серии ЖЗЛ Олегом Андершановичем Лекмановым, который в этом жизнеописании пишет:

«Из первого Мандельштамовского «Камня» тема любви была старательно удалена. Лишь в одном стихотворении книги внимательный читатель мог обнаружить едва уловимый намек на присутствие женщины:

*Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле».*

Что же, пусть у читателя будет свое представление о «намёках на присутствие женщины» в стихотворениях Мандельштама. В чем в чем, а в этом вопросе можно обойтись без споров, и каждый вправе остаться со своими ощущениями и образами...

Вспоминая читальный зал, вижу своих студенческих товарищей. Михаил Зеленов – будущий председатель нижегородского общества историков-архивистов, доктор наук и профессор – копается в

подшивках «Правды», «Пролетарской революции» и «Красной летописи». Кирилл Кобрин – журналист, писатель, эссеист – лениво листает журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» конца 1920-х годов. Саша Корнилов – тоже доктор исторических наук и профессор – роется в журналах «Мировая экономика и международные отношения» и «Проблемы мира и социализма». Также там можно было встретить и уважаемых профессоров нашего университета.

Помню, как один из них – папа нашего однокурсника Миши Бурыкина – увидев меня за столом с подшивкой журнала «Весы», спросил:

– А что вы в них ищете, молодой человек?

– Цветаеву и Мандельштама, – смутившись, ответил я.

Он возмущенно фыркнул и произнес снисходительно: – Здесь они не публиковались. Гиппиус, Брюсова, Бальмонта, Волошина найдете, а их – нет.[2]

Но вернемся немного назад и продолжим описание моего знакомства с поэтом.

Напротив областной библиотеки, нашей Ленинки, в доме № 6 по улице Фигнер (довоенная постройка в духе сталинского ампира) на последнем этаже жила еще одна моя знакомая – молодая художница, тогда еще студентка Московского художественного училища им. 1905 года, Ася Феоктистова. Часто бывая в гостеприимной квартире, я общался с ее родственницами: бабушкой, мамой и тетей, которая, как сейчас стало понятно, вращалась в кругах городской интеллигенции диссидентского толка. У нее было много книг, в том числе самиздатовских машинописных сборников. Выносить их из квартиры было запрещено, но зато можно было переписывать, сидя на узком диванчике в Асиной проходной комнате. Так в моей красной тетрабочке появились все стихи цветаевского «Лебединого стана». Среди книг был знаменитый вожделенный синий томик «Библиотеки поэта». Из этого экземпляра и перешли в мою тетрадь еще два десятка стихотворений Мандельштама, сохранив нумерацию, тождественную синему сборнику.

Среди моих студенческих товарищей любителей поэзии Серебряного века было не так уж много, в этом вопросе больше приходится опираться на прекрасную половину человечества. Тем ярче вспоминается любопытный эпизод того времени.

Я лежу на кровати с продавленной металлической пружинной сеткой в комнате студенческого общежития, располагавшегося на той же улице И.Н. Ульянова в доме № 37. В комнате жили пять человек; я, как новичок, занимал худшее место около двери. «Старослужащие» с рабфака находились в элитной части комнаты, отгороженной двумя древними платяными шкафами. Они уже отслужили в рядах Советской армии и были приняты по целевому набору, представляя славную Армянскую ССР. На койке рядом со мной в плебейской части комнаты располагался Сережка Черемухин, учившийся на филологическом отделении, порой крепко выпивающий и в конце концов то ли отчисленный, то ли переведшийся на заочное отделение[3]. Зимний вечер, морозно, из окна нещадно дует. Я лежу и что-то читаю. Серега, кутаясь в казенное застиранное общежитское одеяло и собственное пальто, говорит мне:

– Слушай, нашел еще стихотворение Мандельштама, которого нет в «Библиотеке поэта», сейчас прочитаю.

Достает какую-то замызганную бумажку и вслух читает:

*Пусти меня, отдай меня, Воронеж, –
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь –
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож!*

Уж не знаю, где он нашел этот текст, но, видимо, запрещенные стихи русских поэтов были доступны в Горьком не мне одному.

Возвращаясь к теме присутствия книг Мандельштама в моей домашней библиотеке, вспомню близкую по духу всем книжникам цитату из прозы поэта:

«Книжный шкаф раннего детства спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет

корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, как в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка».

Корешки книжек Осипа Эмильевича мне заменяла все та же многострадальная красная тетрадь для записей. Потребовалось почти тридцать лет, чтобы тяжким трудом и собирательским упорством подобрать на мою мандельштамовскую полку все его прижизненные издания, а также коллекцию переводов и публикаций в периодической печати, которые сегодня представляются в нашем альбомчике. Конечно же, у меня было немало предшественников, стремившихся собрать в своей библиотеке в первую очередь прижизненные поэтические сборники.

Вспомним, естественно, Арсения Александровича Тарковского, который в интервью, опубликованном в 1979 году в седьмом выпуске «Альманаха библиофила», рассказывает о своей обширной библиотеке в количестве более 4000 томов, почти полностью погибшей в годы Великой Отечественной войны. Поэт говорит о присутствии в библиотеке всех трех изданий «Камня» и добавляет: «...в моей библиотеке наряду с “Камнем” был и второй сборник поэта, называвшийся “Tristia”, далее: книга переводов, выполненных им, и так называемая “Вторая книга”, вышедшая в издательстве “Круг”, а также “Стихотворения” издания 1928 г. и небольшая книга, объединившая статьи Мандельштама о поэзии».

В ставшем хрестоматийным стихотворении Тарковского 1963 года не только есть конкретное упоминание стихотворного сборника, но и звучит своеобразная поэтическая и человеческая перекличка.

Поэт

Жил на свете рыцарь бедный...
А.С.Пушкин

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! постоянства
Кредиторов! Он как дар
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар <...>

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

В интервью Олегу Хлебникову Тарковский упоминает, что это было второе издание «Камня». Думается, что скорее – третье, то самое госиздатовское 1923 года с обложкой Александра Родченко, напечатанное довольно большим тиражом в 3000 экземпляров и, конечно же, имевшееся у Осипа Эмильевича в каком-то количестве. А может, речь и вовсе идет о «Стихотворениях» 1928 года, что более соответствует времени начала сотрудничества молодого Тарковского с Госиздатом.

Известный ленинградский собиратель Моисей Семенович Лесман пытался собрать все прижизненные издания поэта. Судя по каталогу его библиотеки, ему это почти удалось: не было лишь редчайшей детской «Кухни». Две книги из его собрания снабжены автографами, ну а главное – у Лесмана имелось девять рукописных рецензий Мандельштама на книги французских и немецких авторов. Судя по всему, все они происходят из одного источника – редакционного архива, видимо, издательства «Прибой». В основном это были так называемые внутренние рецензии, относящиеся к 1926 году.

Собиратель и библиограф русской поэзии XX века Анатолий Кузьмич Тарасенков просто был обязан иметь все книги Осипа Эмильевича, но, видимо, по каким-то причинам этого не произошло. В переданной в Российскую государственную библиотеку поэтической части его собрания находится всего два стихотворных сборника, а автографов нет вовсе[4]. На антикварном рынке периодически попадают книги из его библиотеки в характерных тканевых переплетах, но в основном это прозаические и драматические произведения[5]. В моем собрании находится уникальный машинописный тарасенковский экземпляр собрания стихотворений Мандельштама, собственноручно составленный и переплетенный владельцем. Он был приобретен у сына собирателя Дмитрия Тарасенкова и еще ждет тщательного литературоведческого исследования[6].

Интересная подборка книг поэта была продемонстрирована и передана в дар Воронежскому литературному музею в ходе проведения фестиваля «Улица Мандельштама» Олегом Григорьевичем

Ласунским.

Моя красная тетрадь с переписанными стихотворениями Мандельштама, сборник Тарасенкова, иные имеющиеся в собрании самиздатовские сборники – звенья одной цепи, соединяющей во времени и пространстве живших в Советском Союзе почитателей творчества поэта.

Рассуждая о библиофильском взгляде на наследие Осипа Эмильевича Мандельштама, самое время задаться вопросом «А были ли библиофилом сам поэт?»[7].

Мы уже цитировали замечательные строки поэта про книжный шкаф своего детства из «Шума времени». Из его прозы и из воспоминаний Н.Я. Мандельштам можно выявить обширный круг чтения, в который входили как славные имена представителей Золотого века русской поэзии, так и французские и английские классики.

При этом Осип Эмильевич не был классическим библиофилом, к книге относился весьма утилитарно, а порой и просто небрежно. В воспоминаниях Эмиля Миндлина «Необыкновенные собеседники» есть зарисовка поведения поэта сразу после покупки сборника Михаила Кузмина «Вожатый»: «С книгой он обращался ужасно, держал ее в пиджачном кармане свернутой трубкой, поминутно вынимал и читал стихи».

Не менее красочное свидетельство можно найти в воспоминаниях Э.Г. Герштейн: «Он ненавидел письменный стол. Он небрежно обращался с ненужными ему книгами: перегибал, рвал, употреблял, как говорится, «на обертку селедок»».

Постоянная смена места жительства, подчас просто скитания по чужим углам, житейские и финансовые неурядицы, а в конце жизни – аресты и ссылки, конечно же, никак не способствовали собиранию домашней библиотеки, да еще библиофильского толка. Из книжных редкостей отметим наличие в ней «Стихотворений» Аполлона Григорьева, изданных в 1846 году тиражом 50 экземпляров, первого сборника стихотворений Н.Я. Языкова 1833

года да ряд древних зарубежных изданий в основном итальянских авторов.

Значительная часть книг из личной библиотеки Мандельштама хранится в РГАЛИ. А вот замечательный подвижник и исследователь творчества поэта Сергей Васильевич Василенко в подмосковном Фрязино в муниципальной библиотеке создал своеобразный негосударственный музей поэта, в котором тщательно подбираются как прижизненные издания и публикации Осипа Эмильевича, так и дубли книг, которые он держал в руках. Эта традиция реконструкции личных библиотек великих поэтов идет еще от пушкинского музея на набережной реки Мойки, 12.

Теперь несколько слов о концепции и творческой новизне предлагаемого вниманию читателей издания.

Корпус исследований о жизни и творчестве Осипа Эмильевича Мандельштама весьма обширен. В этом даже есть какая-то загадка, ведь само поэтическое и прозаическое наследие поэта не столь велико (14 прижизненных сборников, среди которых трижды переиздававшийся «Камень» и четыре детские книжки, включающие в себя лишь по одному стихотворению). Но колдовство его поэзии, притягательность автобиографических очерков и рассказов, трагические коллизии жизненного пути и самоотверженная борьба Надежды Яковлевны за сохранение его творческого наследия привлекли и продолжают привлекать внимание сотен исследователей из разных стран мира. Но, как это часто бывает, остаются и серьезные лакуны.

В настоящем издании, во-первых, предпринята попытка продемонстрировать библиофильский взгляд на наследие О.Э. Мандельштама. Емкого рассказа о том, что интересует книжных собирателей из творческого наследия поэта, насколько трудоемок этот процесс и какие в нем существуют подводные камни и течения, пока не было. Во-вторых, до сегодняшнего дня отсутствует *полная* библиография прижизненных публикаций Мандельштама [8], не говоря уже о демонстрации более или менее репрезентативной подборки обложек, иллюстраций и текстов его

книг и публикаций в сборниках и периодической печати. Значительная часть поклонников поэта просто не знает, как выглядят те или иные книжки, альманахи или журналы. Прямо скажем, мало кто обращал внимание и на его переводные работы. Некоторые из этих изданий до сегодняшнего дня попадались в московских букинистических магазинах по крайне невысокой цене – 500-1000 рублей. Даже искушенные собиратели, не говоря уже о букинистах и составителях аукционных каталогов, путают переводы О. Мандельштама и И. Мандельштама. А один почтенный московский библиофил не так давно эмоционально доказывал мне, что Осип Эмильевич вообще переводами не занимался и все они принадлежат его однофамильцу. Искренне надеюсь, что эта книжка будет полезна и интересна как библиофилам, так и более широкому кругу исследователей и просвещенной публике. По сложившемуся стилю и традиции наших книговедческих исследований[9] большое значение придается именно насыщенному зрительному ряду.

Представленные издания подбирались в мое собрание на протяжении последних десяти лет. Сознаюсь, что, как и многие другие библиофилы, я не придавал большого значения периодическим печатным изданиям, альманахам и сборникам со стихами Осипа Эмильевича. Основной «удар» в части формирования этого сегмента коллекции был нанесен в последний год, когда родился замысел представляемой сейчас на суд читателя книги. Процесс этот был, ох, как непрост. Конечно, основная часть периодики нашлась на книжных полках собственной библиотеки. Это, естественно, «Аполлон», «Гиперборей», «Москва», «Русское искусство», «Гостиница для путешественников в прекрасном» и ряд других газет и журналов – завсегда в серьезной библиотеки библиофильского толка. Два-три десятка «изящных» альманахов и сборников также находились в моем собрании. Наиболее распространенные переводные книжки, ряд газет и журналов удалось приобрести по весьма щадящим ценам на крупнейшем книготорговом сайте «Алиб» и в московских букинистических магазинах.

Удивительно, но редчайший оттиск Риверы с дарственной надписью Эренбурга Мандельштаму как раз был куплен просто на «Алибе». В точном соответствии с пословицей «На ловца и зверь бежит» кое-какие редкие экземпляры в течение года были выставлены на торги на московских аукционах. Но как только мной был распространен список поиска имеющихся деэидерат, цены взлетели до небес. Даже хорошо знакомые «братья по разуму» не стеснялись запрашивать умопомрачительные суммы за нужные экземпляры. Человеческая жадность и «звериный оскал рынка» были продемонстрированы во всей красе. Наиболее тяжело проходил процесс приобретения самых лакомых изданий с публикациями детских стихов. Нелегко достались два номера «Нового Робинзона», поступившие из петербургского собрания, и «Мурзилка», приобретенная на одном из московских осенних аукционах 2015 года. Ну а самый тяжелый удар по семейному бюджету был нанесен покупкой единственной отсутствовавшей у меня детской книги О.Э. Мандельштама. «Кухня» приехала из самого Нью-Йорка, из знаменитой коллекции детских книг и графики. К сожалению, экземпляр оставляет желать лучшего, что называется на «четыре с минусом», но это обычная история для столь редких изданий. Уступивший мне его собиратель сказал: «Я пятнадцать лет искал возможность улучшить этот экземпляр и расстаюсь с ним с большой неохотой».

Коль уж речь зашла о детских книгах, упомяну, что «Примус» (единственная книжка в отличном состоянии) происходит из собрания известного петербургского собирателя А.М. Луценко. Именно этот экземпляр описан в его работе «45 любимых книг». «Шары» (состояние – «4+») приобретены лет пять назад у петербургского дилера. А «Два трамвая» в очень неважном состоянии – уже больше десяти лет назад на московском аукционе «Гелос» в подборке детских книжек 1920-х годов. Больше мне это издание в хорошем виде не попадалось.

Книги и, тем более, автографы О.Э. Мандельштама – нечастые гости на отечественных и западных книжных аукционах. Порой цены на них вызывают «шок и трепет», хотя часто встречающиеся

книжки продаются по весьма разумной цене[10]. В целом могу констатировать, что формирование нашей мандельштамовианы каким-то чудесным образом произошло вполне «вегетарианским» образом.

Итак, несмотря на все сложности, заветная цифра в 125 прижизненных публикаций, посвященная юбилею поэта, была достигнута.

Хочу выразить признательность тем людям, которые помогли мне собрать мандельштамовскую коллекцию: Борису Николаевичу Вараве, Сергею Васильевичу Василенко, Людмиле Ларионовой, Александру Лурье, Ольге Валерьяновне Луценко, Елене Матвеевой, Наталии Михайловне Мирошниченко, Алексею Морозову, Алику Рабиновичу, Александру Ефимовичу Снопкову, Дмитрию Тарасенкову, Светлане Федюковой, Борису Абрамовичу Хайкину.

После раздела избранной иллюстрированной библиографии вниманию читателя представлены пять автографов поэта и ряд посвященных ему инскриптов, находящихся в нашем собрании. Часть из них происходит из обширной коллекции А.М. Луценко (дарственные надписи на экземплярах первого издания «Камня» и записка в редакцию журнала «Звезда»), иные были приобретены у московских дилеров.

Интересно происхождение автографов Надежды Яковлевны Мандельштам, относящихся к судьбе творческого наследия поэта, которые мы сочли необходимым также включить в представляемую подборку. Осенью 2013 года в букинистическом отделе книжного магазина «Москва» продавался большой архив поэта и первого секретаря Союза писателей СССР Алексея Александровича Суркова (1899–1983). По рассказам сдатчика, архив был буквально спасен из мусорных баков. Сотни документов и рукописей находились в нескольких больших коробках. Приобретя весь архив, я передал основную его часть (общим весом почти 50 кг!) Государственному литературному музею в ходе проведения специальной литературной гостиной, о которой много писалось в прессе. Небольшая часть документов, соответствующая моим

библиофильским интересам, пока еще хранится в моем собрании. Среди них и публикуемые письма и обращения Н.Я. Мандельштам.

Отметим, что почти все представленные инскрипты воспроизведены в вышедшем в 2015 году двухтомном альбоме «Искусство автографа».

Особую гордость в изобразительном ряде вызывает у нас ранее не опубликованный прижизненный портрет Осипа Эмильевича, приобретенный пару лет назад у известного московского издателя и букиниста А.Е. Снопкова.

Он написан маслом на картоне размер 215x260 мм. Имеет дату и подпись. Со 100-процентной точностью их пока разобрать не удалось, но дата определяется как 26 (или 21) июля 1916 года. Подпись художника – А. Ростовцев (?) – до конца не выяснена.

Как это часто бывает, любое подобное событие вызывает бурные дебаты у специалистов, занимающихся той или иной личностью. В нашем случае 90 % музейных работников, мандельштамоведов и искусствоведов без особых сомнений с первого взгляда «опознали» героя нашего повествования. Но остались и некоторые сомнения, о которых также надо честно рассказать.

Наиболее детальный анализ и дискуссию по поводу портрета мы вели с Алексеем Владимировичем Наумовым, часть аргументов с его позволения и публикуем. Думаю, что это достаточно интересно:

«Пиджак и рубашку со стоячим воротничком Мандельштам носил не только в 1914 году (две фотографии – проводы Бенедикта Лившица в действующую армию и групповая фотография в доме Александра Вира (Попова)).

Стоячий воротничок и галстук мы можем видеть также на силуэте Е.С. Кругликовой [1915] и рисунке П.В. Митурича (1915).

В 1915–1916 Мандельштам позирует Л.А. Бруни тоже в сорочке со стоячим воротничком и галстуком, так же он изображен на

датированном 1916 же годом рисунке С.Полякова.

Бабочку, при прочих равных, могли предпочитать персоны из театрально-музыкальной среды. Так, Артур Лурье носил ее весьма часто. Теоретически мог ее надеть и ОМ – к публичному чтению стихов или же в «Бродячую собаку»/«Привал комедиантов».

На двух известных нам изображениях выступающего Мандельштама и на одном после выступления – он в галстуке.

Сходство с поэтом у портретируемого достаточно выражено – в общем очерке лица, оттопыренных ушах, в рисунке бровей. Все отклонения здесь в принципе в пределах допустимого.

Мало совпадает рот – на портрете он маленький, губы полные. Упоминавшаяся мной особенность облика ОМ – впечатление взгляда вниз (полуопущенные веки?) – при закинутой голове не может, пожалуй, служить различительным признаком. За время портретирования модель так или иначе меняет позу. Художник, каков бы он ни был, волен выбрать устраивающий его момент – один видит модель так, другой иначе. Но есть отчетливо несовпадающая антропометрическая особенность – v-образная линия роста волос на лбу».

Анализ, предварительно проведенный А.В. Наумовым, демонстрирует, что художник с такой фамилией или близкой к ней искусствоведам незнаком и в круге общения О.Э. Мандельштама неизвестен. Если принять дату 26.07.1916, то в это время поэт находился в поездке из Коктебеля в Петербург и вряд ли мог кому-то стационарно позировать. Исходя из этого, Алексей Владимирович пришел к выводу, что на портрете изображен не Мандельштам.

Что тут сказать? Через сто лет трудно реконструировать все обстоятельства жизни поэта. Наша версия заключается в том, что это вполне мог быть какой-то провинциальный художник, коих немало жило в дореволюционной России. Писал ли он непосредственно с натуры, по фотографии, по памяти или эскизным наброскам – сейчас можно только предполагать. Особого

художественного мастерства в портрете мы не наблюдаем, но облик схвачен достаточно точно и эмоционально. Чем-то он даже напоминает мне известный памятник поэту в Воронеже. Требовать от малоизвестного художника всех анатомических совпадений вряд ли можно. Представить себе другого столь похожего на Мандельштама человека, с которого решили бы написать портрет, я, пожалуй, не могу.

В любом случае оставим будущим исследователям возможность найти окончательный ответ на этот вопрос.

Буквально год назад в своей книге «Библиофильский венок Анне Ахматовой»[11] я также воспроизвел ранее не известный портрет поэта. Тогда он тоже вызвал скепсис у сотрудников музея в Фонтанном Доме. Забавно, что сейчас, когда шло обсуждение портрета Мандельштама, все мои собеседники после рассказа о портрете Ахматовой и демонстрации его воспроизведения в один голос говорили: «Конечно, это Анна Андреевна, какие могут быть сомнения!»

Хотелось бы сказать несколько слов о представленном экслибрисе. Пожалуй, это единственное художественное произведение в своем жанре. Выполненный в технике офорта и раскрашенный от руки мандельштамовский экслибрис создан по моей просьбе талантливой молодой петербургской художницей Екатериной Носовец. Она выпускница екатеринбургского художественного училища и Санкт-Петербургского института им. И.Е. Репина. Работа над сюжетом и композицией экслибриса была весьма насыщенной: около месяца мы переписывались с Екатериной, уточняя детали и совершенствуя первоначальные эскизы. Но в итоге, на мой взгляд, экслибрис получился очень красивым, насыщенным и наполненным смыслами.

Можно, наверное, гордиться тем, что 33 предмета из числа воспроизведенных в книге автографов и изданий вошли в экспозицию юбилейной выставки «Я скажу тебе с последней прямой...» в Государственном литературном музее.

Само это издание не появилось бы на свет без поддержки моих единомышленников и соратников по оргкомитету, а также научных и публицистических трудов С.В. Василенко, О.Г. Ласунского, О.А. Лекманова, А.Г. Меца, П.М. Нерлера.

13 апреля 2016 г.

[1] Летом 2015 года я зашел в библиотеку и с радостью обнаружил в каталожном ящичке ту самую карточку –уже пожившую, испещренную новыми пометками, но сохранившую тепло и моих рук.

[2] С его сыном связана одна замечательная история. На четвертом курсе в 1985 году нам читал спецкурс о пропаганде и контрпропаганде университетская звезда, профессор В.Я. Доброхотов. Проводя, как бы мы сейчас сказали, мастер-класс, он гордо предложил анонимно в записках задавать ему любые (!) самые острые вопросы по интересующим темам. Дураков было не так много. Поступило пять или шесть записок с дежурными вопросами. Но вот раскрыв одну из них и прочитав вслух вопрос «Почему советское государство спекулирует джинсами?», Валерий Яковлевич побагровел и тихо зловеще спросил: «Кто это написал?». После минутной паузы Миша встал с еще более красным, чем у профессора, лицом. Он услышал указание остаться после семинара и получил впоследствии серьезную взбучку. Надо сказать, что тогда впервые в магазины стали поступать индийские и восточногерманские джинсы по заоблачно высоким ценам.

[3] Как остроумно заметил профессор М.В. Зеленев в разговоре об этом персонаже, «по молодости все мы были филологи и крепко выпивали».

[4] См.: Автографы советских поэтов из коллекции А.К. Тарасенкова : Каталог / [сост. Е.И. Яцунок и др.]. М.: ГБИ, 1981. 79 с., 8 л. ил. – (Серия «Русская книга XX

века в собрании Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина». Каталоги. Вып. 3).

[5] В далеком декабре 1995 года «Стихотворения» 1928 года в характерном переплете были проданы на осеннем аукционе торгового предприятия «Акция».

[6] Позволю себе обширную самоцитату из «Аромата книжного переплета»:

Наверное, я был последним российским библиофилом, который в феврале и марте 2008 года несколько раз побывал в еще сохранившей свой прежний облик знаменитой квартире Тарасенкова, расположенной на пятом этаже писательского дома в Лаврушинском переулке. Несмотря на то, что после смерти Анатолия Кузьмича прошло более 50 лет, эпоха середины прошлого века практически замерла в интерьерах этой трехкомнатной 85-метровой квартиры. Вдова Тарасенкова – Мария Иосифовна Белкина, автор ряда книг, в том числе «Скрещение судеб» о жизни Марины Цветаевой и ее близких – по всей видимости сохраняла естественный консервативный подход к обстановке своего жилища вплоть до смерти 26 января этого года на 92-м году жизни. В подъезде это была одна из немногих квартир без ставших обязательными входных металлических дверей. Старый паркет, люстры, маленькая кухня и непритязательная разношерстная мебель делали бы ее очень уютной, но ощущение покинутости и подготовки к передаче в другие руки оставляло грустное впечатление. В квартире на правах хозяина меня принимал приехавший для печальных церемоний сын ее прежних хозяев Дмитрий Анатольевич Тарасенков, автор популярного в свое время детектива «Человек в проходном дворе», эмигрировавший на Запад в середине 1970-х и осевший в последнее время в Праге в качестве сотрудника «Радио Свобода». <...>

Мария Белкина в небольшой повести-очерке о муже «Главная книга» (опубликована в сборнике «Дождь перестал») и сын

Дмитрий в беседах со мной в первую очередь вспоминают запахи, стоявшие в доме Тарасенкова и Белкиной, а впоследствии в их квартире. Это, во-первых, запах столярного клея, варившегося часами из твердых брикетов на водяной бане во вставленных одна в другую больших жестяных консервных банках. По словам Дмитрия Анатольевича, «пахло копытом и мужиком». Во-вторых, запах разведенной в бензине масляной краски, которую выливали в таз с водой. В нее обмакивали бумагу, которая затем использовалась для «мраморных» форзацев. Затем листы этой бумаги раскладывались для просушки по всей комнате, заполняя все имевшиеся плоскости. Из-за царивших едких запахов в доме и квартире были постоянные пререкания и ссоры.

[7] По этому поводу в 1990 году была опубликована прекрасная статья уже упоминавшегося О.Г. Ласунского «Мандельштам и книга».

[8] В частности, нами в процессе работы над данным изданием были выявлены и включены в представленные описания два сборника с прижизненными публикациями стихотворений и уточнен автор иллюстрации в «Мурзилке».

[9] См.: Сеславинский М.В. Рандеву : Русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века : [Альбом-каталог]. М.: Астрель, 2009. 503 с., [10] л. ил.; Книги для гурманов : Библиофильские издания конца XIX – начала XX века : [Альбом] / Михаил Сеславинский, Ольга Тараканова. М. : Белый город, 2010. 309 с. : ил.; Его же. Аромат книжного переплета : Отечественный индивидуальный переплет XIX–XX веков : [Альбом]. 2-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2011. 543 с., [10] л.; Его же. Гирлянда из книг и картинок : Детское чтение в дореволюционной России : [Альбом : В 2 т.]. М.: Детская литература: Самолет, 2011; Искусство автографа : Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов : В 2 т. / сост. М.В. Сеславинский. М.: БОСЛЕН, 2015.

[10] Так, например, довольно часто на столичных аукционах можно встретить «Вторую книгу» О.Э. Мандельштама (М.; Пб.: Круг, 1923). 16 мая 2007 года на торгах АД «Гелос» она была продана за 11 000 рублей, а в «Доме антикварной книги в Никитском» в разные годы «уходила» за 30 000 рублей. Не менее часто проходят экземпляры «Стихотворений» (М.;Л.: Гос. изд-во, 1928). 16 мая 2007 года в АД «Гелос» один из них был оценен всего в 11 000 рублей, а 27 октября 2012 года на аукционе журнала «Про книги» «450 книг из собрания библиофила А.М. Луценко» этот последний прижизненный сборник О.Э. Мандельштама «ушел» за 16 000. В настоящее время его можно приобрести за 20 000–30 000 рублей (АД «Империя», 12.09.2015; «Дом антикварной книги в Никитском», 24.04.2014 и др.). Иным образом складывается ценообразование на редко встречающуюся в продаже первую книгу поэта «Камень» (СПб.: Акмэ, 1913). 26 февраля 2015 года на торгах в «Доме антикварной книги в Никитском» ее экземпляр при эстимейте 700 000–750 000 рублей так и не нашел покупателя. Не менее ценны автографы поэта. Так, в 2012 году на аукционе Bonhams рукопись стихотворения «Петербургские строфы» был продан за 56 200 долларов, а экземпляр первого номера альманаха «Дом искусств» (Пб., 1921) с карандашным автографом стихотворения «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» – за 35 000 долларов. Отдельные же номера журналов или альманахов, на страницах которых опубликованы произведения О.Э. Мандельштама, можно приобрести по более «демократичным» ценам – от 3000 до 10 000 рублей.

[11] См.: Библиофильский венок Анне Ахматовой : Автографы в собрании М. Сеславинского : [Каталог] / [авт.-сост. М.В. Сеславинский]. М.: Про книги : Журнал библиофила, 2014. 176 с. : ил.